

УДК 821.111

Н. Г. Владимирова, Е. В. Нагорная

**СЕМИОТИКА КОРАБЛЯ И ЕГО МОДЕЛИРУЮЩИЕ СВОЙСТВА
В РОМАНАХ УИЛЬЯМА ГОЛДИНГА, ДЖУЛИАНА БАРНСА,
ГРЕГОРИ НОРМИНТОНА**

146

Исследуется семиотика корабля как образа мира на примере романов «Морская трилогия: на край земли» У. Голдинга, «История мира в 10 ½ главах» Дж. Барнса и «Корабль дураков» Гр. Норминтона. Корабль рассматривается в качестве новой версии библейского Ноева Ковчега – «общества в миниатюре». По выводу авторов, авантекст интегрирует новую «порождающую модель», одновременно создавая новые формы художественной условности и типы художественной генерализации.

This article studies the semiotics of the ship as an image of the world in cases of the novels To the End of the Earth by William Golding, A History of the World in 10½ Chapters by J. Barnes, and The Ship of Fools by Gr. Norminton. The ship is considered a new version of the Biblical Noah's Ark – a miniature society. The authors believe that the avanttext integrates the new "generative model" creating at the same time new forms of fictional conditionality and types of literary generalisation.

Ключевые слова: семиотика, современный английский роман, принцип версии, порождающая модель, палимпсест.

Key words: semiotics, contemporary English novel, principle of version, generative model, palimpsest.

Семиотика корабля имеет древние корни в английской литературе. Генезис этого образа восходит к кельтскому эпосу, в памятниках которого и формировалась его специфика. Корабль фантастически преобразовывался художественным воображением в серебряное, стеклянное и хрустальное судно, необычный материал которого свидетельствовал об иномирности: такой корабль предназначался для путешествия в вечную страну Желания и Блаженства.

В древней эпике мы встречаем первичное моделирование. Усложненные семиотические смыслы концепта корабля складываются позднее, в процессе художественного развития литературы. В качестве семиотической смысло- и текстопорождающей модели «общества в миниатюре» корабль выступает в «Морской трилогии: на край земли» Уильяма Голдинга, в романе «История мира в 10 ½ главах» Джулиана Барнса, а также в книге Грегори Норминтона «Корабль дураков». В первых двух произведениях образ корабля варьирует представление о Ноевом ковчеге, являя собой модель общества с капитаном-тираном во главе; романе Норминтона он приобретает особое значение.

Креативная семиотика концепта корабля в трилогии Голдинга связана с моделирующими возможностями интертекстуальности, мифоло-

гизирования и театрализации. Голдинг описывает «изолированный мир, вселенную в миниатюре» («a separate world, a universe in little») [2, р. 191], в мифологической системе координат это своего рода Ноев ковчег, в социально-исторической — аналог Великобритании. «Корабельное» общество — социоструктурная модель, устроенная по тираническому принципу: «...там, на корме, в каюте предстало передо мной Государство в лице капитана Андерсона» («...there, aft of me and seated in his cabin was the State in the person of Captain Anderson») [2, р. 106]. Священник Колли в этой системе координат — олицетворение Церкви: «Передо мной была сама Церковь...» («Here before me was the Church...») [2, р. 106], а конфликт Андерсона и Колли представляет столкновение Церкви и Государства. Одновременно корабль — «плавающий театр», («our floating theatre») [2, р. 145], который демонстрирует способность к семиотическому расширению до масштабов «вселенского театра».

Семиотически насыщенный концепт корабля в романе Дж. Барнса «История мира в 10 ½ главах» способствует созданию системы проходящих через весь роман лейтмотивов. Определяющим в ней является деление на чистых и нечистых. Так, в первой главе, в ироническом описании путешествия на Ноевом ковчеге от лица жука-древоточца, корабль именуется «плавучей тюрьмой» [4, с. 6] «a prison ship» [1, р. 4], в которой процветает сегрегация на чистых и нечистых животных. Последние с завидным постоянством появляются на столе у Ноя и его семьи, соответственно, и ковчег получает ироническую номинацию «плавучего кафетерия» [4, с. 18] «a floating cafeteria» [1, р. 14]. Во второй главе в роли чистых и нечистых выступают уже целые народы. В дальнейшем повествовании образ корабля сужается до размеров «маленькой лодчонки» [4, с. 101], «a little boat» [1, р. 91], но она — спасительный ковчег, на котором женщина, ослепленная бездушностью и жестокостью современного мира, решается плыть навстречу собственному раю. Катастрофизм влияния человечества на окружающий мир — апогей конфликта сильных и слабых, а нервное расстройство «слабой» героини в глазах «сильных» врачей выражает ее цельность и стремление выстоять в мире, полном агрессии.

Затем образ ковчега продолжает варьироваться. Его новой версией становится «роковой плот» [4, с. 130], («a fatal machine» [1, р. 118]) «Медузы», с ужасом и жестокостью представленный на знаменитом полотне Теодора Жерико. В главе «Три простые истории» мы видим корабль в скрещении, казалось бы, несовместимых мотивов и характеристик. Соседей трагедия «Титаника» и удача отдельного спасшегося человека, огромный кит и его пассажир-счастливчик, злоключения еврейского народа и Исход евреев из Египта, изображенный с нотками трагической пародийности. Пассажиры поднимаются на борт «лайнера» [4, с. 199] («a liner» [1, р. 181]) в качестве туристов, но по прибытии на Кубу лайнер превращается в концентрационный лагерь.

В романе, построенном как набор различных версий одного события, сквозной образ корабля служит для читателя путеводной нитью в лабиринте смыслов. В образе Ковчеге, как модели современного обще-

ства, с его вечным конфликтом сильного и слабого, «звучит голос человеческого страдания, молящего о забвении боли и хаоса мира *в слове*» [4, с. 14]¹.

Модель мира в «Корабле дураков» Норминтона строится на основе словно «оживающего» на глазах читателя полотна Иеронима Босха — «почетного профессора кошмаров», как нарекли его сюрреалисты, имея в виду, что он «представил картину всех страхов своего времени...» [6]. Роман «Корабль дураков», по словам автора, «родился из недр книг и картин» [9]. К Босху отсылает и название книги, и репродукция, помещенная на ее обложке.

148

На живописном полотне Босха корабль — традиционный образ церкви — сатирически преобразен в Корабль Зла, плывущий без руля и ветрил, символизируя всеобщий упадок нравов. На палубе царит грех чревоугодия и любострастия, на что указывает блюдо с вишнями и кувшин с вином [7]. Вместе с крестьянами в грех погружаются монах и две монашенки. Над корабельным сообществом вознесен Шут (дурак) с маской на шесте: «Маска — почти как зеркало, но не льстивое», а возможно, это и «ключ к пониманию скрытой натуры» человека [11, с. 12]. Глупость в культуре Средневековья воспринималась как синоним порока. Роман Норминтона, корреспондируя со своим живописным «претекстом», уже на первых страницах, в общем прологе, содержит пародийно-ироническое, сниженное описание корабля. «Корабль — это скорее утлая лодчонка, и даже не лодка, а так, непонятого свойства посудина с еще живым деревом вместо мачты, — пишет автор. — И немало еще несуразиц на этом неправильном корабле...» [11, с. 7] («Much else is awry with that vessel...» [3, p. 1]). Возникая в прологе и эпилоге, образ утлой лодчонки, которая в финале сыграет роль спасительного ковчега, создает кольцевую композицию.

Корабль, наследуя аллюзивный код живописных (И. Босх) и вербальных (С. Брант) предшественников, развивает таящуюся в этом образе амбивалентность. Ощутима соположенность персонажных систем этих произведений, манеры их подачи в духе гротескного реализма, «лубочной ксилографической угловатости, площадного острословия» [12, с. 188], равно как и соотнесенность картины Босха с другой, не менее известной литературной моделью — «Похвалой глупости» Эразма Роттердамского. Заметим, что, как тему, так и художественную модель общества как «корабля дураков» можно обнаружить и в более ранних моралистических произведениях. Норминтон в одном из интервью заметил:

«Корабль дураков» — дань уважения творчеству Босха и Брейгеля: герои их картин переселились, так сказать, с холста на бумагу. Одновременно мне хотелось вернуться к периоду зарождения романа как литературного жанра: здесь немаловажную роль сыграл Рабле, а также такие английские писатели, как Джонатан Свифт и Лоренс Стерн, с их свободолобием и желанием создавать новые, экспериментальные формы в литературе [9].

¹ Курсив в цитатах наш. — Н. В., Е. Н.

Английская и шире — западноевропейская проза демонстрирует сегодня обновление аллюзивных источников. Внимание современных авторов привлекает классика далеких от нашего времени эпох, знакомая и доступная в основном интеллектуальному, образованному читателю. В общем прологе Норминтон подчеркнуто пародийно помещает «застывших в неподвижности странников», этих «пилигримов без цели» [11, с. 18] не только на несурзанный, «неправильный корабль» [11, с. 7], но и в «вечное время».

Повествовательная стратегия современного автора восходит к «Кентерберийским рассказам» Джеффри Чосера, с их последовательной сменой рассказчиков. Сохранена и структура чосеровского произведения: рассказ персонажа предваряет пролог, представляя собой своего рода матрицу, заполняемую новым текстом. Сюжет и фабула получают развитие, трансформируя модель путешествия героев Рабле. Раблезианскую модель можно обнаружить и в персонажной системе романа Норминтона: Белкула сродни известным великанам Рабле, однако с противоположным гендерным знаком. Образ Колпачка, напоминает Постника Рабле. Однако литературные корни романа Норминтона, как и произведения Рабле, много глубже, ибо у самого раблезианского текста был предшественник — кельтские легенды о чудесах Ирландского моря [5]. М. М. Бахтин пишет: «...у Рабле есть эпизод с замерзшими и оттаявшими словами; эпизод этот был непосредственно заимствован Рабле у Плутарха, но образы его, несомненно, кельтского происхождения» [5, с. 432]. В связи с адресацией к кельтскому претексту вспоминаются сказания о «Странствиях Мэл Дуина». В романе «Корабль дураков» есть отголоски этого древнейшего произведения. Легендарный герой, осужденный на скитания во искупление своей вины, посетил 35 неведомых островов, таивших «немало всяких ужасов и чудес» [10, с. 282], которые и стали источником «своего рода мозаики или вереницы приключений и происшествий» [10, с. 283]. По отношению к древнему претексту книга Рабле и современный роман Норминтона воспринимаются как аллюзивно налагаемые авантексты — палимпсесты. Эхо старинного источника уловимо и в персонажной номинации: имя Белкулы — гиперсексуальной героини романа Норминтона созвучно с именем Бекумы Прекрасная Кожа, которая, согласно древнему кельтскому сказанию, была изгнана из «земли обетованной». «Корабль дураков» Норминтона едва ли доплывет до страны Блаженства, однако текст романа в рассказе Пловца — единственного выжившего после катастрофы — содержит намек на возможное возрождение. Такой финал произведения программируется уже эпитафией, взятым из авторского предисловия ко второй книге знаменитого раблезианского пятикнижия «Гаргантюа и Пантагрюэль». «Речь идет о великане, который вошел в Ноев ковчег, поэтому сидел на нем верхом и болтал ногами», — пишет Н. С. Бочкарева, справедливо усматривая в цитируемом тексте Рабле выражение «темы спасения и возрождения человечества из библейской истории Ноя» [7, с. 88].

Авантексты отличает непростая диалектика «старого» и «нового». Изменчивость концепта корабля не исключает явной или опосредованной связи его ни с реальной действительностью, ни с уже сложившейся литературной системой. Корабль в современном романе становится порождающей моделью, определяя структуру нового произведения, тяготеющего к условным типам художественного обобщения и включающего безграничные по креативным возможностям палимпсесты смыслов предшествующих текстов.

Список литературы

150

1. *Barnes J.* The History of the World in 10 ½ chapters. L., 1989.
2. *Golding W.* Rites of Passage. L., 1985.
3. *Norminton G.* The ship of Fools. L., 2001.
4. *Барнс Дж.* История мира в 10 ½ главах. М., 2005.
5. *Бахтин М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.
6. *Босх И.* // Wikipedia : свободная энциклопедия : [сайт]. URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 05.03.2013).
7. *Бочкарева Н. С.* Функции живописного экфрасиса в романе Грегори Норминтона «Корабль дураков» // Вестник Пермского университета. 2009. Вып. 6. С. 81–89.
8. *Джумайло О.* За границами игры: Английский постмодернистский роман. 1980–2000 гг. // Вопросы литературы. 2007. №5. С. 7–45
9. *Карнос-Дедюхина Е.* В ответе за весь мир. Интервью с Грегори Норминтоном. URL: <http://www.proza.ru/2010/09/14/198> (дата обращения: 05.03.2013).
10. *Кельтская мифология* : энциклопедия. М., 2002.
11. *Норминтон Г.* Корабль дураков. М., 2006.
12. *Пуришев Б. И.* Немецкая литература XIV–XVI вв. // История всемирной литературы : в 8 т. М., 1985–1993. Т. 3. С. 174–201.

Об авторах

Наталья Георгиевна Владимирова – д-р филол. наук, проф., Новгородский университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород.
E-mail: natv1_942@mail.ru

Екатерина Вадимовна Нагорная – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.
E-mail: ekanagornaya@gmail.com

About the authors

Prof. Natalia Vladimirova, Yaroslav The Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia.
E-mail: natv1_942@mail.ru

Yekaterina Nagornaya, PhD student, Ass. Prof., I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: ekanagornaya@gmail.com